
Осознание силы любви
Спасибо, учитель
Турушкины Сергей и Евгения

Евгения Турушкина
Сергей Турушкин

Спасибо, Учитель!
Осознание силы Любви

Серия «Путь Любви», книга 2

https://litres.ru/74393928
SelfPub; 2026

Аннотация

Вику забирают от любимой бабушки и везут к другой — ворчливой, скандальной, той, от которой ушёл дед. По дороге Вика узнаёт об этом. Она выходит в лес — побыть одной.

Там, под каплями дождя, возникает вопрос, который останется на годы: что такое любовь, если она не приходит, когда так нужна? И почему любящие уходят?

В школе появляется новый классный руководитель — Артём Викторович. Он говорит с ребятами не только о физике, но и о том, о чём обычно молчат: о чувствах, страхах, как быть рядом и не потерять себя. Он задаёт вопросы, рассказывает, объясняет — и вместе с ребятами находит новые ответы.

Дружба, первые чувства, конфликты, разочарования — часть её пути. Но главное открытие впереди. Если Вика не разберётся

в любви, она перестанет в неё верить. И тогда поймёт: любовь — не обладание, а способность быть рядом, оставаясь собой.

Это история о школе и учителе. О встречах, которые остаются на всю жизнь. И о человеке, которому однажды хочется сказать: «Спасибо, Учитель!»

Содержание

Книга посвящается учителям	5
Часть первая. Где любовь ?	7
Глава 1. Знакомство	11
Глава 2. Разговор об энергообмене	20
Глава 3. Закороченные	28
Глава 4. Творческое начало	35
Глава 5. По-соседски	50
Глава 6. Баба	58
Глава 7. Интерес	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Спасибо, Учитель!
Осознание силы Любви

Книга посвящается учителям

Мы часто понимаем значение учителя только спустя годы. В школе нам кажется, что мы просто учимся. Но со временем начинаешь замечать: вместе с формулами, датами, книгами и правилами нам передавали гораздо больше - отношение к людям, к знаниям, к труду, к самому себе и к жизни.

Учитель отдаёт часть себя каждому ученику. И, возможно, не всегда знает, какой именно след оставят его слова.

Эта книга посвящается учителям, которые учат не только предмету, но и жизни.

Тем, кто однажды вошёл в класс и оставил после себя не только знания, записанные в тетради, но и что-то гораздо большее - мысли, принципы, вопросы и внутренние ориентиры, которые продолжают жить в человеке спустя годы.

Настоящий учитель не заканчивает урок вместе со звонком. Его слова могут неожиданно вспомниться через много лет, когда перед учеником возникает сложный выбор. Иногда человек уже не помнит точной фразы, которую когда-то услышал от учителя, но помнит состояние, которое тот в нём создал: веру в себя, интерес к жизни, желание искать ответы

и становиться лучше.

Именно такие учителя остаются в памяти.

Мы с благодарностью посвящаем эту книгу **Вилипп Александру Евгеньевичу, Карагодину Валерию Львовичу** и всем другим учителям, которые в разные годы были рядом и своим отношением к жизни помогали формировать собственный путь.

Каждый из них оставил свой след.

Кто-то научил видеть глубже. Кто-то - думать самостоятельно. Кто-то - не бояться задавать вопросы. Кто-то своим примером показал, каким человеком можно стать.

И этот след продолжает жить. В поступках его учеников. В их семьях. В их выборе. В том, как они однажды сами начинают учить своих детей жизни.

Спасибо вам, учителя.

За знания, которые стали частью жизненного пути. За вопросы, которые заставили искать ответы. За пример, который невозможно забыть.

И за то, что однажды вы были рядом.

Часть первая. Где любовь ?

К Творцу взываю: «- Где Любовь?
Среди людей, средь городов…
Есть безразличие в глазах,
Тоска, унынье, просто страх.
Про удовольствия твердят,
Инстинкты, долг, семейный брак.
А о Любви!?..» И вдруг: вода
С небес умыла всю меня.
Лицо я к небу: «- То ответ?»
И лёгкий дождь, сквозь струи свет
На плечи, руки, на лицо
Стекает нежно и тепло.
Пусть будут слёзы, но легко,
Обнимут чувства. Насквозь всё.
И песней радость растекло
Так
чувственно и так тепло.

Порой так сложно понять себя. Особенно когда ты ещё ребёнок, но внутри уже начинает просыпаться кто-то взрослый. Сказочный мир, где всё было надёжно и просто, вдруг начинает таять, как утренний туман, обнажая жёсткие, порой беспощадные грани жизни. Я до сих пор помню тот день — мой личный рубеж, когда я впервые почувствовала, что осталась один на один с реальностью.

Это был конец августа. Воздух уже дышал осенью, но

солнце ещё пыталось согреть землю. Я жила у прабабушки Юли — самого тёплого и светлого человека в моей жизни. Рядом с ней мир казался вечным и правильным. Но приехала мама. Она быстро собрала мои вещи и сказала, что пора в школу, в город. В её движениях была какая-то чужая, сухая решительность. Я обрадовалась, ведь в детстве перемены кажутся праздником. Я была уверена, что мы заберём бабулю с собой, что теперь мы будем большой и сильной семьёй. Но мама ей ничего не предлагала и почти не смотрела в её сторону. Более того, она везла меня не к себе.

— Я не хочу к бабе Тане! Она всё время ругается! — кричала я, захлёбываясь от внезапного страха.

Но мама не собиралась обсуждать со мной свою жизнь. Она смотрела прямо перед собой, и её взгляд был направлен куда-то мимо меня, в какое-то своё, недоступное мне «счастье».

— У меня сейчас новая любовь, и мне не до тебя! — отрезала она.

Эти слова ударили сильнее, чем если бы она меня толкнула. «Любовь»… Это слово, которое всегда ассоциировалось у меня с бабушкиными объятиями и теплом дома, вдруг стало стеной. Оказалось, что чья-то «любовь» может быть причиной того, что ты лишний. Что ради этой «любви» можно предать ту тихую, глубокую связь, которая была у нас.

Мы ехали в машине. За окном мелькал лес — бесконечная зелёная стена, скрывающая тайны. А внутри меня раз-

расталась холодная, звенящая пустота. Одиночество в семь лет ощущается как физическая нехватка кислорода. Я попросилась выйти «по нужде», просто чтобы не задохнуться в этом замкнутом пространстве маминого безразличия. Мама остановила машину и даже не вышла.

— Давай быстренько, я жду, — бросила она, не оборачиваясь.

Я зашла в лес. Бабушка всегда учила: заходишь в лес — поздоровайся с ним, как с живым. И я поздоровалась. В тот миг мне показалось, что только эти высокие деревья способны меня услышать. Только они не предадут. Я стояла среди гигантов, задрав лицо к небу, где верхушки деревьев смыкались в каком-то торжественном и строгом единстве. Сквозь листву и хвою проглядывало серое, равнодушное небо, и по щекам потекли капли. Я не знала, что это — начавшийся дождь или мои слёзы. Мне было всё равно.

И вот тогда из самой глубины души, из того места, где хранится память многих поколений, вырвался крик:

— Почему?! Ну почему всё так?!

Тогда я не могла облечь это в красивые теории. Я просто не понимала: почему то, что называют «любовью», приносит разрушение и боль? Почему мама может променять меня — своего ребёнка — на другого человека? Почему мир, который вчера был добрым, сегодня стал холодным и чужим?

Я плакала о разрушенном доме, о брошенной бабушке, о том, что правда жизни оказалась такой колючей. И лес слу-

шал меня, словно впитывая мою боль. Когда дождь усилился, мне стало легче, будто вода смывала с меня эту первую взрослую грязь.

Прибежала мама, сердитая и промокшая. Она кричала, что я возилась слишком долго, что я теперь вся мокрая и могу заболеть. Но её крик больше не ранил меня. Он доносился как будто из другого мира.

Тот случай стал моей точкой отсчёта. В тот день моё безмятежное детство закончилось. Больше никто не спрашивал, чего я хочу. «Так надо» — вот и весь ответ. Но именно тогда во мне родилось это неистовое, жгучее желание: разобраться, что же такое Любовь на самом деле? Если то, что сделала мама, — любовь, то я хочу найти другую. Ту, которая созидает, а не разрушает. Ту, о которой шептались деревья в лесу и о которой молчала моя прабабушка, когда собирала меня в дорогу.

Глава 1. Знакомство

Я уже семиклассница, иду по дорожке, нарочно пиная кучки листвы по краям. Солнце светит ярко, и сухие листья легко взлетают, несмотря на то, что утром всё было в изморози. Передо мной в подъезд заходят трое: папа, мама, а между ними прыгает малышка, держась за руки родителей.

Люблю наблюдать такие семейные сцены. Возможно, потому что в моём детстве этого не было. Я живу с бабушкой. А мама у нас — «пташечка перелётная», её так бабушка называет, потому что мама долго на одном месте не живёт. Всё зависит от её «хахалей» (тоже бабушкино слово). Папу не

знаю. Бабушка говорит, что мама меня нагуляла. Думаю, никому не приятно осознавать, что тебя нагуляли… У моих детей такого точно не будет!

Я улыбнулась, проходя по лестнице мимо молодой семьи. Папа их открывал дверь, а малышка пряталась от меня за мамой.

А вот как будет у моих детей, какая семья у нас будет — я до конца не могла представить. Видимо, потому что нет никого из близких, кто так жил бы, как мне хотелось бы. У бабушки мой дед тоже от неё ушёл. Это давно было, и он уже, кажется, помер. Бабушка у меня такая ворчунья, и поскандалить любит. Я тоже от неё когда-нибудь уйду, уже очень скоро. У меня будет богатая семейная жизнь: двое-трое детей и муж, который будет обожать меня и обеспечивать семью всем необходимым. А я буду любить его. Мама у меня красивая, а все говорят, что я на неё похожа. И баба говорит, что похожа. Правда, она при этом всегда охает. Но ничего, у меня лучше будет, не так, как у мамы. Главное — найти хорошего мужа. Я хочу, чтобы мы с ним и детьми всегда понимали друг друга. Чтобы общались, хотели быть вместе. А не отпихивались от детей, как от меня мама. Не знаю, существует ли такая семья?..

Люблю я ходить в гости к моим друзьям и подругам, но пока не встречала такой семьи, где бы все были единым целым, единой семьёй. Есть, где мама в хороших доверительных отношениях с детьми, но вот папа их — как «сбоку бан-

тик». Есть, где мама с папой много времени вместе проводят, обнимаются, но вот детям своим говорят: «Скорее бы вы уже выросли и жили отдельно». Может, и не найду я такой идеальной семьи, но хоть немного похожую хотелось бы увидеть.

Я на лестничной площадке открываю ключом дверь. У нас на нашей площадке — «бабье царство». В одной квартире живёт баба Надя, подруга моей бабушки. В другой — Вера Николаевна, странная женщина, почти бабушка, но очень активная (недавно узнала, что она занимается массажем на дому). Здесь мы с бабушкой. А рядом квартиру постоянно сдают. Последнее время в ней жила компания студенток. До этого — мать-одиночка. Сейчас, кажется, пустует. Вдруг дверь щёлкнула и открылась, вышел молодой мужчина.

— Здравствуйте, — мужчина улыбнулся, — я ваш новый сосед, Артём… Артём Викторович. Снимаю квартиру. Год точно здесь буду.

— Здравствуйте, — кивнула я, — Вика.

— Приятно познакомиться, Вика. До встречи, а то мне пора, — и он побежал по лестнице.

«Это что-то новенькое…»

— Баб, привет! — кричала я с порога. — Представляешь, у нас тут сосед появился! Забыла, как звать.

— Сосед — это хорошо, — донеслось из комнаты. — Надо познакомиться. Иди ешь… Или за молоком сходишь?

— Потом…

— Ладно.

У бабушки сейчас просмотр сериалов. Нельзя отвлекать. А я спокойно поем. Её главное не трогать, не утруждать своими заботами. Вечером уйдёт полы мыть — вообще тишина. Что хорошо — что бабушка готовить любит. Тут тебе и супик, и рыбка в кляре, и к чаю оладьи.

«Поела. Всё! Пора за уроки».

— Ну что, двоек много? — подошла бабушка.

— Уроков много, не отвлекай.

— Оно и видно: из телефона не вылезаешь.

— У меня тут уроки… У тебя там реклама, что ли?

— Нет. На работу собираюсь.

— Ну, собирайся.

— В комнате-то когда прибираться будешь?

— Иди, баба.

— Иди… — передразнила она. — Смотри мне! — и погрозила пальцем.

— Иди, не отвлекай.

Я раньше, когда жила с другой бабушкой в деревне, с прабабушкой Юлей, — там было хорошо. А потом переехала сюда… а баба Юля скоро умерла. Видимо, скучно было ей одной, моей бабуличке. Каждый раз её вспоминаю, когда вклю-

чаю комп: у меня на заставке фото с ней в деревне.

Уроки сделала, лежу на диване, переписываюсь с одноклассниками. И баба в квартиру заходит. Сейчас гундеть будет — значит, спать пора, а то её не переслушаешь. А вот утром я привыкла просыпаться под бабушкино ворчание: на беспорядок, на погоду или на моё долгое вставание. Даже будильника не надо.

— Всё, пока! — и я уже бегу в школу.

— Физики не будет опять! Поэтому четыре урока, и домой! — я, счастливая, повернулась к Даше. Мы с ней за одной партой, она моя подруга.

— Ура-а!! — закричали мы вместе.

— Рано радуетесь, — послышался Мишин голос с задней парты, — я слышал, новый учитель по физике появился.

— О-о-о… — так же одновременно, но разочарованно протянули мы с Дашей.

— Да, сегодня физика будет! — на весь класс громко сказала Ксюша, наша всезнайка.

Физику я не люблю. Там много непонятного. Если бы не Даша, вообще не знаю, как бы я училась. Дашка молодец, но даже она не всегда разбирается. Точнее, они с мамой, тётей Ритой. Я люблю к ним ходить в гости, у них бывает очень хорошо, только папа у них — как призрак: вроде есть, а вроде нет. Дашу это не очень заботит. Главное — мамуля, она у них шеф. Не знаю, правильно ли это?..

Все мы стоим у кабинета физики, ждём учителя. А вот и

он.

— Здравствуйте, — улыбнулся мужчина и к кабинету — открывает ключами дверь.

Что-то в этом знакомое…

— Точно! Сосед!

— Что? — не поняла Даша.

— Он — мой сосед! — показываю на учителя. — Квартиру рядом с нами снимает.

— Повезло. Может, будет помогать в физике.

— Не знаю, посмотрим.

Зовут его Артём Викторович. Теперь уж я не забуду. Сам симпатичный, среднего роста, улыбчивый, со светлыми волосами. Молодой, но уже давно не студент. В общем, приятной наружности и, похоже, отзывчивый и внимательный к ученикам. Такой учитель, думаю, всем понравился. Сегодня он разбирался в уровне наших знаний, знакомился с нами. А к следующему уроку уже задал задание для повторения. Понеслось…

Мне надо с ним контакт налаживать. Выучить бы урок хорошо, ответить, а потом и знакомиться поближе: «Помогите, пожалуйста, я немного не разобралась с заданием по физике». Я улыбнулась себе, а вот отвечать боюсь. Не буду руку тянуть.

Но на физике сегодня — «лес рук». Все отвечать хотят на пятёрочку — знают, что сегодня плохих оценок не будет. Так что не факт, что я бы отвечала.

Физика последняя в пятницу. Куда бы пойти?

— Ты домой? — уже у раздевалки спросила Дашу.

— Да, но мне надо срочно уроки сделать, а потом в гости на все выходные.

— Понятно… Может, вместе?

— Нет, Вик. С тобой быстро не получается. Давай в другой раз.

— Хо-ро-шо.

Пойду дальше счастье пытать:

— Вань, как там твой пёс? Не подстригли его ещё?

— Нет, ты что! Таких не стригут. Он же красивый, белый.

— Ну да, и большой. Сегодня что делать будешь?

— К стоматологу на четыре.

— Понятно. Ладно, облом-с.

Я стала смотреть по сторонам:

— А где Вадик, Миша и ребята? — озвучила я свои мысли.

— Они уже ушли, у них какое-то дело.

— Какое-то дело, — передразнила я, кривляясь.

Тоже мне друганы — могли бы и позвать. Хотела во дворе потусить, но почему-то, как назло, одна малышня.

— Здравствуй, Вика, — услышала я голос за спиной.

— Здравствуйте, Артём Викторович. Уже виделись.

— Ах, да! В школе. — Он присмотрелся. — А ты в каком классе?

— Седьмой «Г».

— Всё, вспомнил. — Он кивнул головой. — Людей много новых и детей. Путаюсь пока.

— А вы из другого города?

— Да, из Барнаула. Хотел попробовать отдельно жить, устроиться как-нибудь. Тут друзья предложили квартиру у них снимать здесь. Студентки до этого, говорят, жили, что попало там натворили. Так что буду иногда стучать и сверлить — ремонтом заниматься. Как вам такой сосед?

— Хорошо, — улыбнулась я, — может, и нам что-где поможете. А то мы без «мужских рук», с бабушкой живём.

— Понял. Учту, — кивнул он.

— Вы учились на учителя?

— Да, закончил, стажировку прошёл. А это — как проба пера. Потом посмотрим… Зарплата «не ахти», но пока нормально, — он улыбнулся.

— Жаль… Мужчина-учитель — редкость в нашей школе.

— Да это везде редкость. Ладно, заходите в гости. М-м-м, как у вас вкусно пахнет!

Мы уже подходили к дверям наших квартир.

— Да, моя бабушка в прошлом повар. Да и вообще любит готовить.

— На пенсии?

— Не совсем. У неё ноги больные, не может долго стоять. Так бы работала ещё.

— Ясно. До встречи, — он улыбнулся и скрылся.

А я подумала, что это удобный случай подружиться.

Глава 2. Разговор об энергообмене

— Баб, чего напекла?

— Шанюшки! Иди кушать. Сейчас тоже пойду чай попить.

Посидели маленько с бабой, порассказывала ей, что сегодня было. Она у меня любит кормить, когда её стряпню уплетают за обе щеки.

— Что одна пришла? Дашу бы пригласила.

— Она занята. Все сегодня заняты.

Баба добрая и внимательная за столом и когда гости. Стоит мне сейчас выйти из-за стола — и начнутся придирки.

Поэтому я сразу, ещё не доев очередную шаньгу:

— Баба, я пойду угощу нашего нового соседа. Учитель мой всё-таки.

— Да, конечно, вон сколько. Я думала, ты с кем-то обедать придёшь.

Я набрала большую тарелку шанег с горкой. Дома оставила четыре штучки — нам на вечер и утро. Баба одобрительно кивнула.

— Пошли, помогу, — и взяла у меня тарелку. — Тоже надо познакомиться. Иди, обувайся.

Мы постучались.

— Кто? — раздался голос за дверью. Похоже, в глазок смотрит.

— Мы, соседи, — ответила бабушка.

Дверь открылась. Артём Викторович был удивлён. Из квартиры пахло гречкой. Сам в домашней одежде, растерянный.

— Вот, угостить вас решили. Меня Татьяна Фёдоровна зовут. Это моя внучка Вика, вы её учитель. Приятно познакомиться.

— Здравствуйте, приятно познакомиться. Артём Викторович, — он кивнул и продолжил уже совсем растерянно:

— Что вы, не надо было. Сами кушайте.

— Да нам хватит, оставили себе, — баба махнула рукой. — Кушайте на здоровье. Себе-то, поди-ка, не напечёте сами, — и отдаёт тарелку.

— Ну да. Спасибо большое. Уж прямо слюнки текут.

— Кушайте на здоровье.

Баба начала уже разворачиваться к двери домой.

— Может, зайдёте, чай попьём?

— Нет, спасибо. Только что чай пили. До свидания.

Баба не умела долго поддерживать разговор, особенно с мужчинами. С подругами посплетничать, обсудить сериалы — это милое дело. А вот я люблю пообщаться. Баба уже закрыла за собой дверь, поняв, что я не собираюсь так быстро уходить. Я продолжала стоять. И Артём Викторович обратился уже ко мне:

— Составишь мне компанию?

— С удовольствием, — отозвалась я и зашла в знакомую квартиру.

Порядка здесь не было. Видно, что человек переехал сюда недавно. Мебели немного. Я уселась за стол на кухне. Артём Викторович ставил чайник.

— Как жизнь молодая? Рассказывай, — начал он.

Я хмыкнула, улыбнулась:

— Не знаю, — пожала я плечами. — Нормально.

— Где мама твоя, папа? Или нету?

— Папы нет, а мама где-то на Гоголя сейчас.

— Живёт с кем-то?

— Ну да, — я улыбнулась.

— Ну и пусть живёт. Главное — бабушка рядом!

Он сел за стол. Видно было, как он предвкушал вкус ша-

нег. Если бы не я, давно бы уже запихал себе в рот одну.

— Кушайте, — я пододвинула ему тарелку, а сама улыбнулась.

— А ты? — ему неудобно было брать первым.

— Одну возьму. Мы уже кушали с бабой, а так — это вам, — и я взяла шанюшку.

— Спасибо, — наконец-то он взял себе. — М-м-м, вкуснятина! — он с удовольствием пережёвывал, прикрыв глаза. — Повезло мне с соседями.

Мы вдвоём заулыбались.

— А тебе повезло с бабушкой, — заключил он, прожевав первую.

Я хмыкнула:

— Она у меня поворчать любит, с мужчинами — поругаться. Сантехник, электрик приходили — никто в хорошем настроении не уходил. Так что не обольщайтесь, — закончила я, виновато улыбнувшись и опустив глаза.

— Понятно. Не научилась по-хорошему мужскую энергию получать? Или лень? Сложно, кажется. И получает её по-плохому. Хорошо, учтём.

Вид у него при этих словах был весёлый. Я же смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Что ты удивляешься? Обыкновенная физика. Обмен мужской и женской энергиями.

— Вы это тоже будете на уроках рассказывать?

— Нет, конечно, — смеялся он. — Этого нет в школьной

программе. Хотя надо бы.

Он уже жевал следующую шаньгу.

— Это же ватрушки? — предположил он.

— Шаньги. А что значит — обмен женской и мужской энергией?

Я съёжилась. Мне было стыдно об этом спрашивать, но его научный подход мне был очень интересен. Он прожевал, отпил чаю и посмотрел на меня.

— Ты же согласна, что у каждого человека своя энергетика?

Я кивнула.

— Ну а с отличием женской и мужской энергии согласна?

Я пожала плечами:

— Ну, мужская энергия более грубая, так?

— Она у них более сжатая и нацелена на будущее. У женщин энергия более широкая, и она — здесь и сейчас. У нас в природе всё обменивается энергией. А вместе мы составляем целую систему. Обмен идёт через взаимодействие. Тебе это понятно?

Я задумалась:

— Ну, например, ухаживаешь за цветком, и он лучше растёт от этого.

— Точно! Даже когда любуешься им, он лучше растёт.

— Это понятно: если о ком-то заботишься, любишь, то ему легче жить, приятнее.

— Да. А если ненавидишь кого-то, то плохо и ему, и тебе.

Если любишь, то хорошо вам обоим.

— А как же безответная любовь?

— Ну, значит, не хочет с тобой энергией человек делиться. Нет у вас созвучия. Кто-то ниже уровнем.

— Есть ещё и уровни?

— Ну, ты развиваешься, и энергетика твоя повышается. Есть же разница: любит тебя дебил или поэт, учёный?

Я кивнула, задумалась. Никогда не смотрела на это с такой точки зрения.

— И что, у бабушки низкий уровень?

Он помолчал, пожал плечами:

— Ну, она ругается. Это разрушает её здоровье, здоровье других.

— Значит, ей нужно повышать свою энергетику?

— Да, — он кивнул и пожал плечами от неудобного обсуждения более взрослого человека.

— А как повышать?

— Учиться любить, контролировать свои мысли.

— Любить!? — я улыбнулась и захихикала.

— Мы с тобой о разных вещах.

И, нехотя обсуждать дальше, он взял следующую шаньгу.

— Но готовить-то она любит! — многозначительно сказал он, демонстрируя шаньгу.

— Да, у неё обмен энергиями с шаньгами, то есть с едой, — я засмеялась.

— Скорее — через еду. Вот сейчас она получила мою

энергию благодарности через шаньги.

Он прожевал и спросил:

— Когда бабушка на работу ходила, наверное, повеселее была?

— Это да. Говорит, ей сейчас скучно.

Я задумалась. Думала, всё дело в любимом деле, а оказывается, здесь ещё обмен энергией. Вот так не научишься правильному обмену энергией — потом страдай всю жизнь.

— А обмен энергией и общение — это одно и то же получается?

— Не совсем. Через общение идёт обмен энергией, также через любование. Ты, например, себя демонстрируешь, а зритель тобой любуется. Как певицы, актёры получают много энергии на сцене. Через заботу без слов можно отдавать или получать энергию. Самый быстрый и эффективный обмен — это у взрослых, между мужчиной и женщиной, когда они в паре.

У меня в голове были непонятки, но я смущалась и думала, что уже замучила его расспросами. Поэтому сидела и молчала. Он смотрел на меня, видя мой озадаченный вид, улыбался.

— Что тебе непонятно? — вдруг не выдержал он.

— Что-то я запуталась. Мужская и женская энергия… Мужчинам нужна женская, женщинам — мужская, а общаются все. Что, если я общаюсь с девочками, у меня перебор женской энергии?

— У взрослой женщины может быть переизбыток своей женской энергии и недостаток мужской. Ты, наверное, встречала взрослых одиноких женщин? Они же отличаются от женщин, которые в паре с мужчинами?

Я хмыкнула:

— Меня только такие женщины и окружают, — и посмотрела на него. — Мама в паре, но баба не лучшего мнения о её взаимоотношениях.

— Ну, твоя мама, видимо, на низких уровнях общается с мужчинами. Можно и на другом уровне. Но у тебя перед глазами, похоже, нет такого примера.

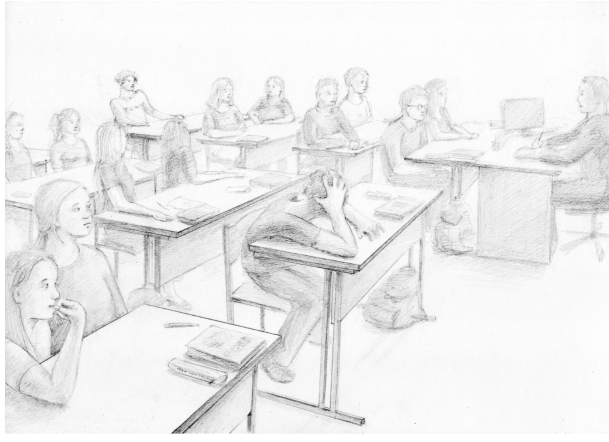
— Ну почему? У некоторых ребят в классе нормальные родители.

— Я имею в виду тех, кто у тебя всё время перед глазами, кого ты чувствуешь и могла бы у них поучиться.

— Ну нет… Таких нет.

Как говорится, попал в точку. Я уже ничего не спрашивала, мне хотелось отдохнуть от этих разговоров. Артём Викторович, видимо, почувствовал это и стал спрашивать меня про город: куда здесь можно сходить. Я отвечала почти механически, потом поблагодарила за чай и пошла домой.

Глава 3. Закороченные



Этот разговор было не так просто выкинуть из головы. С тех пор я постоянно замечала в окружающих меня людях принципы обмена энергией. Я стала какой-то тихой, задумчивой. «Вика, не спи!» — в последнее время слышала я от Даши.

К Артёму Викторовичу пока не решалась опять идти в гости. Я думала: получится утром с ним ходить вместе, но он всегда намного раньше меня выходил. И на улице мы больше не встречались, на уроках только. А он, тем временем, потихоньку осваивался в нашей школе и в нашем классе на

физике. Начинал разбираться, с кем и как можно общаться на уроках. У нас разные ребята: есть спокойные, есть совсем тихие, есть активные, но с соображалкой, а есть — активные болваны.

Как-то Артём Викторович вызвал к доске Зябликова. Это — наш главный болван. Лучше бы его не было в нашем классе. Он не захотел выходить и с матом послал Артёма Викторовича.

— Ты совсем офонарел, Зябликов! — закричала на него Ксюша.

— Я никому ничего не обязан, — пофигистски ответил он.

Все молча смотрели на Артёма Викторовича.

— Хорошо, двойка, — и он записывает себе в блокнот. — А вот мат я услышал на своём уроке, надеюсь, в последний раз. Во-первых, потому что это вредно для вашего и моего физического и психического здоровья. Это я прекрасно знаю. Хорошо бы вам вообще его не применять. Но если вас и ваших родителей устраивает — это не в моей власти. Но на моих уроках — будьте добры. Иначе придётся разбираться с классным руководителем, родителями, директором. Во-вторых, есть обыкновенная этика поведения. Правильно, Зябликов? — и он серьёзно посмотрел на него.

Это был жёсткий взгляд — выглядел как вызов, даже Зябликов выпрямился. При всех этих словах не было раздражения или злости, только уверенность в своей правоте.

— Не всех устраивает в классе, и родителей — не всех, — с многозначительным видом высказалась наша зазнайка.

Это прозвучало в укор многим в классе. Даже у меня иногда проскакивал мат, наверное, только Ксюша и Даша не матерились. Может, ещё пару ребят.

— А чем он вреден для здоровья? — тихо поинтересовался Илья с первой парты.

— Чем вреден… Хорошо, я расскажу вам. Это будет вместо ответа Зябликова. Дальше продолжим урок.

Артём Викторович закрыл свой блокнот, облокотился на край стола и обвёл класс спокойным, глубоким взглядом.

— Видите ли, друзья, физика — это не только рычаги и токи. Это наука о вибрациях. Всё в нашем мире — от далёких звёзд до клеток вашего тела — звучит на определённой частоте. Человек — это сложнейший приёмник и передатчик энергии. И наше слово — это самый мощный инструмент настройки этой системы.

Он на мгновение замолчал, и в классе воцарилась такая тишина, что было слышно, как гудят лампы под потолком.

— Мат — это не просто плохие слова. Это низкочастотные звуковые удары. В древности такие сочетания звуков использовали в определённых деструктивных культах, чтобы вызвать страх или агрессию. Когда вы произносите их, вы буквально «взламываете» свою собственную полевую структуру. Эти звуки резонируют с низшими инстинктами, блокируя работу сердца и высшего сознания. Вы словно бьёте

молотком по тончайшему прибору.

Артём Викторович посмотрел на Зябликова, который всё ещё сидел с вызовом, но уже перестал ухмыляться.

— Исследования показывают, что вода, на которую воздействовали подобными словами, меняет свою структуру на хаотичную, уродливую. А мы с вами на восемьдесят процентов состоим из воды. Материться — значит добровольно отравлять свою внутреннюю среду, разрушать генетическую память. Что, в свою очередь, влияет на физическое, психическое и ментальное здоровье.

Артём Викторович обвёл класс взглядом, задерживаясь на Зябликове.

— Понимаете, это вопрос чистоты проводника. Ваша нервная система, ваш мозг — это тончайшая электроника, созданная для передачи высоких смыслов, радости, созидания. Это чистые провода, по которым должно течь светлое электричество мысли. Например, мысли поэта, художника, музыканта, учёного, режиссёра — мысли творческого человека. Каждый из вас по-своему творческая личность. Но когда вы впускаете в себя мат — это всё равно что залить электрические кабели ржавой, грязной водой. Две эти среды несовместимы. Вода моментально вызовет короткое замыкание, изоляция сгорит, и вся ваша внутренняя система просто выйдет из строя. Тот, кто сквернословит, не «крутой» — он «закороченный». Его тонкие настройки выгорают, оставляя внутри только пепел и примитивные реакции — а это уро-

вень животного. Всё, что надо такому существу, это: поесть, поспать и удовольствия, никакого прогресса и развития.

По классу прокатился весёлый шепоток, повторяющий слово «Закороченный». Ребята поглядывали на Зябликова и хихикали. Возможно, это будет его новая кличка.

— Помимо этого, ребята, — продолжил учитель, — мат — это слова «паразиты». Вы привыкаете ими заменять целый ряд красивых слов и выражений. Ваш мозг уже не включается в умственный процесс поиска нужного слова и составления сложных предложений, чтобы выразить свою мысль. Работа мозга упрощена. По речи человека всегда можно понять уровень его умственных способностей. Правильная литературная речь — она развивает.

У меня в своё время тоже были слова «паразиты», не мат, конечно: «это самое», «короче», — виновато признался учитель, — … Когда осознал это, поставил перед собой цель отучиться их повторять. Поверьте, это очень сложно. При обычном разговоре «тормозишь» по-страшному, потому что мозгу ещё надо включиться в работу нормальной человеческой речи. Года полтора переучивался.

Артём Викторович подошёл к доске и взял мел.

— В общем, мат из вас делает слабоумных, «закороченных»… Поэтому, Зябликов, я ставлю тебе двойку не за мат, а за отсутствие знаний. А за мат я ставлю тебе условие: если хочешь, чтобы твоя «система» работала и дальше, а не превратилась в груду ненужного хлама, — учись управлять

своей речью. Это и есть первая ступень настоящей физики жизни. Каждый из вас ответственен за ваше общее будущее. Произнося мат, вы губите себя и тех, кто вас слышит. А теперь — к теме урока. Записываем: «Масса и объём тела».

Артём Викторович писал на доске тему урока, все послушно записывали её в свои тетради. В классе повисла необычная тишина. Даже самые заядлые шутники сидели притихшие, глядя в свои тетради так, будто впервые увидели в них не просто бумагу, а те самые «проводники». Слова учителя зацепили что-то глубокое, на уровне души. В тот день никто больше не пытался сорвать урок.

Этот случай стал переломным. С тех пор на уроках физики что-то изменилось. Ребята, которые раньше считали этот предмет набором скучных формул, вдруг почувствовали, что за законами физики или движением молекул скрывается сама механика жизни.

На следующих занятиях, как только заканчивалась официальная часть темы, от ребят всё чаще стали доноситься совсем не программные вопросы:

— Артём Викторович, а если музыка тяжёлая — это тоже как «грязная вода»?

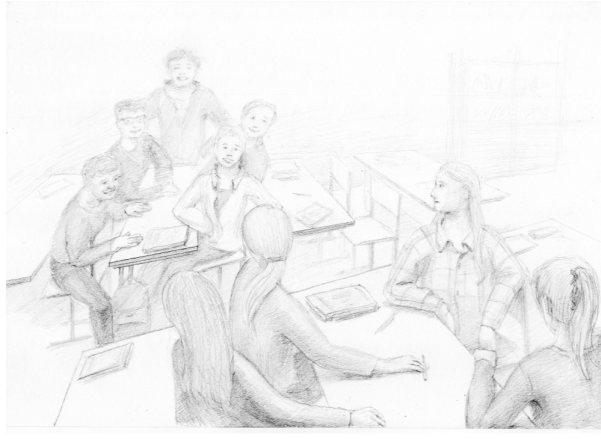
— А почему, когда в семье ругаются, техника ломается? Это тоже резонанс?

— А как понять, что ты на «своей» частоте?

Артём Викторович улыбался, откладывал учебник и начинал говорить о том, о чём не пишут в учебниках, но что

каждый из нас чувствовал кожей. Физика перестала быть мучением — она стала ключом к пониманию нас самих. И я видела, как даже у Зябликова в глазах иногда мелькало что-то похожее на осознанность, когда он забывал играть свою роль «болвана».

Глава 4. Творческое начало



Мы на перемене после алгебры, скоро начнётся второй урок. Я с Дашей у парты Наташи с Полиной слушаем Наташу, как они семьёй ездили на выходных к тёте в гости. В соседнем ряду пацаны сгрудились вокруг парты Миши и Паши: Вадик, Егор и Илья, что-то тоже активно обсуждая. Миша поглядывал на меня, думал, что я тоже присоединюсь. Они периодически смеялись и выкрикивали свои маты. Но мне было интереснее послушать Наташу. Её тётя с мужем работали в театре. Она была костюмером, а он актёром. Девочки постоянно отвлекались на пацанов, хмуря брови.

— Ребят, давайте потише, — обратилась я к ним пару раз.

Но на них мои просьбы не действовали. Наконец-то Даша не выдержала и развернулась к ним.

— Егор, Миша! — позвала она ближайших из них.

Все они посмотрели на Дашу.

— Вы, наверное, забыли слова учителя по физике про мат? Про то, как он разрушает человека и делает его тупым, — она особенно выделила последнее слово. — И не только его, но и окружающих.

Пацаны загоготали своими ломающимися голосами.

— А мы не творческие — нам не страшно, — поглядывая на пацанов, ответил Миша.

— И вы не творческие, — добавил Егор. — Так что можете не переживать.

Их смех разразился на весь класс. Даша возмущённо посмотрела на меня, ища поддержки.

— Откуда такая уверенность, Егор? Не ровняй всех по себе, — ответила за Дашу я.

— О! Они сейчас новую музыку сочиняют, а мы мешаем им, — гримасничал Егор своим друзьям, вызывая смех.

— А вот будет урок физики, там и обсудим с Артёмом Викторовичем, — как учительница сказала им Даша и отвернулась, дав понять, что разговор отложен.

Разговор действительно пришлось отложить, потому что скоро, перекрывая смех и болтовню ребят, прозвенел звонок на урок.

На следующий день у нас физика. Артём Викторович ждал нас в классе. Перемена уже заканчивалась, когда Даша, обведя весь класс взглядом, отметила, что Миша, Егор, Вадик и Илья здесь. Она посмотрела на учителя и громко обратилась к нему.

— Артём Викторович, а скажите, пожалуйста, творческие люди — это только музыканты, поэты и художники? Только им нельзя мат слушать и применять? Или это ко всем относится?

Артём Викторович отвлёкся от своего блокнота и посмотрел на Дашу, потом на класс. Егор и Илья хмыкнули, Миша широко улыбнулся.

— Да. А то Даша очень обеспокоена за свои творческие мысли. Никак не может их в себе найти. Мат мешает, — выкрикнул Егор.

И пацаны тут же поддержали его своим смехом.

Артём Викторович только встал, чтобы начать говорить, но прозвенел звонок. Он показал руками, чтобы все успокоились и сели. Подождал, когда усядутся забежавшие в класс, встал перед доской и обратился к Даше.

— Ну что, Даш. Хороший вопрос ты задала. Давайте обсудим его, но в конце урока, — обратился он уже к классу. — А сейчас разбираем новую тему.

Нравится мне, и, по-моему, не только мне, когда у нас предвидятся обсуждения интересных нам тем. Поэтому никто не мешал проведению урока, чтобы хватило времени для

наших разговоров.

— Итак, — Артём Викторович обозначил завершение темы и посмотрел на Дашу. — Что такое творческое начало в человеке. Правильно, Даш?

— Да, — смущённо согласилась Даша и многозначительно посмотрела на Егора.

Артём Викторович отследил этот взгляд, но сделал вид, что ничего не заметил.

— Только давайте попробуем разобраться не в том, кто из вас творческий, а кто нет, — сказал он. — Это слишком простой способ разделить людей. Творческое начало есть практически в каждом человеке. Вопрос в другом: развивается оно или постепенно угасает.

В классе стало тише. Все были готовы слушать.

— А что за «творческое начало»? — спросила, не понимающая, о чём речь, Ксюша.

Её с девчонками не было в кабинете, когда Даша ругалась на пацанов. Артём Викторович продолжил:

— Это способность человека не только повторять то, что уже существует, но и создавать новое. Новую мысль, решение, образ, поступок. Иногда человек создаёт картину или музыку. А иногда находит неожиданное решение задачи, придумывает, как помочь другому человеку, организует какое-то дело. Творчество намного шире искусства.

— Тогда получается, что математик тоже может быть творческим? — спросил Вадик.

— Конечно. И физик. И врач. И инженер. И повар. И даже человек, который умеет интересно рассказать истории о том, как провёл выходные, — сказал учитель, посмотрев на Наташу.

Класс засмеялся, а Наташа улыбнулась.

— Тогда почему вы говорили, что мат мешает творчеству? — не отступала Даша.

Ксюша и другие, кто не в теме, кажется, поняли, о чём речь. Артём Викторович присел на край учительского стола.

— Хороший вопрос. Давайте разберёмся. Слово — это только инструмент, которым владеет человек. И творческие люди иногда могут сквернословить и сказать что-то матом.

Многие мальчишки рассмеялись.

— Ну вот! — победно проговорил Егор.

— Да, но важно то состояние, в котором человек находится, когда он говорит, — продолжил Артём Викторович. — Ведь он может и не говорить, — и при этом сохранить гораздо больше возможностей для собственного развития.

Егор немного притих.

— Представьте, что человек каждый день разговаривает грубо. Постепенно грубость становится привычкой. Он перестаёт искать точные слова, потому что ему достаточно нескольких привычных выражений, которыми он заменяет всё остальное. А язык — это инструмент мышления. Чем богаче язык человека, тем больше оттенков он способен различать и выражать.

— Получается, дело не только в том, что слово плохое? — спросил Вадик.

Ему всегда интересно в чём-то разобраться и докопаться до истины.

— Именно. Здесь интересно не только само слово, а то, что происходит с человеком. Если человек может сказать одну и ту же мысль десятью разными способами, подобрать точное выражение, передать чувство, настроение, отношение — у него больше возможностей. А если ему для выражения всего хватает нескольких грубых слов, он сам постепенно ограничивает свой мир.

Артём Викторович подошёл к доске и написал несколько слов:

Мысль слово чувство действие.

— Между тем, что происходит внутри человека, и тем, что он делает, существует связь. Мысль рождает слово, слово закрепляет состояние, состояние влияет на поступок. И наоборот — постоянное повторение определённых слов постепенно формирует привычное состояние.

— А если человек просто шутит? — спросил Миша. — Мы же не всегда всерьёз это говорим.

— Конечно. И юмор тоже необходим. Я вовсе не предлагаю вам разговаривать друг с другом как в учебнике. — Учитель улыбнулся. — Мне самому нравится пошутить. Вопрос в мере и в том, что становится привычным языком человека.

Представьте двух людей. Один привык замечать в мире

интересное и старается это выразить. Он может сказать: «Посмотри, как сегодня свет падает на деревья». Другой смотрит на то же самое и говорит: «Да, пофигу». Первый развивает способность замечать. Второй постепенно её теряет. Вот это уже имеет отношение к творчеству.

Даша подняла руку.

— Значит, творчество начинается с того, что человек умеет замечать?

— Очень часто именно с этого.

— А потом?

— Потом ему становится интересно. Из интереса рождается вопрос. Из вопроса — поиск ответа. А когда человек ищет ответ, он уже начинает создавать что-то своё.

Даша с интересом слушала и очень внимательно. А Артём Викторович продолжил:

— Поэтому я не хочу делить вас на творческих и нетворческих. Мне гораздо интереснее другое: что каждый из вас делает со своими способностями. Один хорошо рисует. Другой умеет считать. Третий умеет разговаривать с людьми. Четвёртый замечает то, чего другие не видят. Пятый умеет придумать выход из ситуации, когда остальные растерялись. Всё это формы творчества.

— Его же можно развить? Да? — спросил Илья.

— Можно. Но для этого нужно работать с собой.

— Как?

Учитель задумался.

— Начать с простого. Учиться наблюдать. Не принимать всё сразу как само собой разумеющееся. Задавать вопросы. Читать. Слушать хорошую музыку. Смотреть на картины. Общаться с интересными людьми. Пробовать делать что-то самому. И самое главное — учиться выражать свои мысли.

Он посмотрел на ребят.

— Вот почему взрослым не всё равно, как вы разговариваете друг с другом. Не потому, что нам хочется контролировать каждое ваше слово. Родителям и учителям важно, каким человеком каждый из вас становиться.

В классе стало совсем тихо.

Егор поднял руку.

— А если я вообще не хочу быть творческим?

Учитель улыбнулся.

— Тогда стань хотя бы хорошим человеком.

Класс засмеялся.

— Ему трудно стать хорошим. Он вечно всем недоволен, — высказалась Катя с дальнего ряда.

— Неправда. Сама такая — бубнишь вечно, — заворчал он.

И весь класс опять засмеялся.

Егор недовольно что-то забубнил себе под нос, чем вызвал ещё больше смеха в классе. Но теперь в нём уже не было прежнего раздражения.

Мне нравились такие уроки. Мы начинали с физики, математики или какого-нибудь обычного школьного события, а

потом незаметно оказывались в разговоре о человеке. Именно ради этих разговоров я всё больше любила школу.

Артём Викторович снова посмотрел на класс.

— И последнее. Творчество начинается там, где человек перестаёт жить только готовыми ответами. Поэтому никогда не бойтесь задавать вопросы. Даже если они кажутся вам глупыми. Иногда именно с такого вопроса начинается самая важная мысль в жизни.

— Да зачем вообще это творчество!? — вдруг возмущённо выпалил Егор.

Класс взорвался смехом сильнее прежнего. Смеялись все, даже учитель.

Наконец успокоившись, Артём Викторович кивнул головой и сказал:

— Да — резонный вопрос. А почему, действительно, так важно развивать в себе творчество? А? — с улыбкой спросил он у класса, поддерживая тем самым Егора.

— Чтобы быть интересным, индивидуальным, — сказала Ксюша.

— Только человек может быть творческим, — серьёзно сказала Даша.

— Да, ребят, всё правильно. Нам самим будет не интересно без творчества. Это то, что выделяет нас как вид. И что даёт нам право называться детьми Творца. Творец тоже проявляет творчество.

Артём Викторович ненадолго задумался.

— А ещё творчество колоссально помогает человеку развиваться. Причём на разных этапах своего взросления, поразному.

Важно творчество для дошкольника. Обязательно работать руками, пальцами. Потому что развитие моторики включает мозговую деятельность, влияет на развитие речи. Для школьника начальных классов нельзя без музыки, рисования и трудов. И заметьте, что в подростковом возрасте тоже очень полезно творчество.

— Почему? — озвучил общий вопрос Илья.

— Потому что в этом возрасте внутри человека происходит очень серьёзная перестройка. Вы становитесь другими. Меняется тело, меняется восприятие себя, появляется интерес к противоположному полу. И вместе с этим возникает много новой энергии, с которой человек ещё не умеет обращаться.

— Какой энергии? — спросила Ксюша.

— В том числе энергии своего пола. У мальчика формируется мужское начало, у девочки — женское. И вместе с физическим взрослением появляется совершенно новое внутреннее напряжение. Человек ещё не всегда понимает, что с ним происходит, но уже чувствует, что ему хочется больше общаться, нравиться, проявлять себя, получать внимание.

— Пацаны просто становятся болванами? — сказала Катя, и все девочки засмеялись.

— Иногда это выглядит именно так, — улыбнулся учи-

тель. — Только не всё так просто. Когда человек ещё не умеет понимать и направлять свои внутренние состояния, энергия может выходить самым неожиданным образом. Кто-то становится раздражительным, кто-то начинает постоянно привлекать к себе внимание, кто-то замыкается. А кто-то находит занятие, в которое может направить эту силу.

— Например, творчество?

— Именно.

Учитель посмотрел на класс.

— Я думаю, что творчество в подростковом возрасте выполняет ещё одну очень важную функцию. Оно позволяет человеку преобразовывать избыток внутренней энергии в действие, образ, музыку, движение, мысль. Вместо того чтобы энергия просто давила изнутри и превращалась в раздражение или бесконечное желание получить внимание, человек начинает что-то создавать.

— То есть написать песню вместо того, чтобы приставать к девчонкам? — усмехнулся Илья.

— Можно сказать и так, — засмеялся учитель. — Хотя я бы не стал так упрощать. Но в этом есть смысл.

Он немного помолчал.

— В подростковом возрасте человеку ещё очень трудно строить близкие отношения. Не потому, что он плохой или недостаточно взрослый. Просто для настоящей близости нужно научиться чувствовать другого человека. Не только видеть его внешность и испытывать к нему влечение, но

понимать его настроение, желания, границы, характер, переживания. А это умение формируется постепенно.

Я заметила, как ребята переглядывались. Даша с удивлением глянула на меня. И девчонки и мальчишки — всех смущала затронутая тема. Но и интересно тоже было всем.

— Получается, влюбляться рано? — деловито спросил Илья и с улыбкой оглядел класс.

— Нет. Влюбляться можно в любом возрасте. Чувства могут появиться очень рано и быть совершенно настоящими. Но одно дело — почувствовать влечение или влюблённость, и совсем другое — уметь построить отношения с человеком.

Учитель взял мел и написал на доске:

Влечение чувство понимание отношения.

— Это не одно и то же, — сказал он. — Влечение может возникнуть мгновенно. Чувство может прийти следом. А вот понимание другого человека требует времени. И только на его основе постепенно появляется способность к зрелым отношениям.

Он оглядел класс.

— А что делать с этим влечением? — озвучил он наш немой вопрос и улыбнулся. — Вот здесь и появляется творчество.

Он указал на написанное на доске.

— Если подросток пока не умеет направлять эту энергию в отношения, у него должен быть другой путь её выражения. Музыка, спорт, рисование, театр, литература, техника, лю-

бое дело, в котором он может создавать и развиваться. Это не означает, что творчество нужно использовать как способ подавления чувств. Наоборот. Оно позволяет чувствам и внутренней энергии получить форму.

Я вдруг подумала, что, наверное, именно поэтому многие подростки так неожиданно открывают в себе способности к сочинению стихов, музыке, рисованию. Обычно влюбившись. Словно внутри появляется сила, которая требует выхода, и человек интуитивно ищет для неё канал.

— Значит, творчество помогает не сойти с ума от всех этих чувств? — спросила Ксюша.

— В каком-то смысле, — ответил учитель. — Только я бы сказал мягче. Оно помогает человеку научиться с ними обращаться.

Он снова обвёл нас взглядом.

— Внутренняя энергия сама по себе не хорошая и не плохая. Важно, что человек с ней делает. Можно направить её на конфликт, грубость, постоянную борьбу за внимание. А можно — на спорт, музыку, знания, создание чего-то нового. Тогда человек постепенно учится управлять собой.

Илья хмыкнул:

— Ха, а отношения с противоположным полом тогда вообще не нужны?

Многие улыбнулись.

— Нужны, — ответил учитель. — Общение обязательно. Нужно учиться дружить, разговаривать, замечать друго-

го, уважать его, понимать свои чувства. Но близость — это следующий уровень. Для неё мало одного влечения. Нужно научиться чувствовать человека противоположного пола не как источник удовольствия или подтверждение собственной привлекательности, а как отдельную личность.

Он сделал паузу.

— И, возможно, одна из главных задач подросткового возраста — именно этому научиться. Не торопиться обладать другим человеком, а сначала научиться его видеть.

В классе стало тихо. Артём Викторович положил мел на стол.

— А звонок был? — спросил кто-то с задних парт.

Но никто не отреагировал. А Артём Викторович просто продолжил свою мысль:

— Поэтому я бы не боялся той энергии, которая появляется в вас в этом возрасте. И не стал бы просто запрещать её проявлять. Гораздо важнее научиться направлять её. Творчество, спорт, знания, дружба, интерес к жизни — всё это способы постепенно превратить внутреннюю силу в способность создавать.

Я посмотрела на ребят и вдруг понял, что наш разговор о творчестве оказался совсем не случайным. Мы начали с нескольких грубых слов на перемене, а пришли к гораздо более серьёзному вопросу: **что человек делает с той силой, которая появляется внутри него, когда он взрослеет?** Наверное, именно здесь и начинается настоящее взросление.

Не тогда, когда человек впервые почувствовал влечение к другому полу. А тогда, когда он впервые задумался: **«Что я могу сделать с тем, что сейчас происходит внутри меня?»**

Прозвенел звонок.

На этот раз никто не вскочил сразу. Несколько секунд ребята ещё сидели молча, словно каждый что-то обдумывал.

А потом Миша повернулся к Егору:

— Ну что, творческий?

Егор посмотрел на него и усмехнулся:

— Пока не знаю.

— Не влюбился он ещё, — сказала Катя и первая встала из-за парты, поставила на него рюкзак и стала с шумом собирать в него вещи.

Многие последовали её примеру. И я подумала, что, наверное, именно ради таких моментов и существует школа. Не только для того, чтобы научить решать задачи, запоминать формулы и сдавать контрольные.

Иногда настоящий урок начинается тогда, когда заканчивается тема в учебнике.

Глава 5. По-соседски

У меня появились сложности с домашней работой по физике, а завтра будет проверочная. Я поняла, что без Артёма Викторовича мне не разобраться. Тетрадь, учебник под мышкой, а сама стучусь к нему в дверь. Не открывает. И звуков за дверью не слышно. Выходной — видимо, свои дела. Я уже разворачивалась, вдруг слышу шаги и щелканье двери.

— Здравствуй, Вика. Вчера поздно лег, заходи.

Выглядел он помятым.

— Я не вовремя?

— Заходи, заходи, пора уже вставать. Сколько там?

— Час дня.

— У-у-у...

— Вы еще не завтракали? Там у нас блинчики, давайте принесу?

— Блинчики? — он подтягивался и зевал.

— Сейчас!

Я убежала, оставив тетрадь и учебник на тумбочке. Вернулась с тарелкой блинов. Артём Викторович улыбался. На столе уже стояли две кружки, варенье и закипал чайник. Мне было интересно смотреть за этим человеком. Лицо у него было добрым, а взгляд внимательным. Казалось, что он всё знает, даже то, о чем я думаю. Но он никогда не позволит себе лишней болтовни, сплетен. Мы практически молча пили чай.

— Так с чем ты пришла? — он отнес посуду в раковину и, взяв тряпку, протирал стол.

— Тащи учебники, — он кивнул на тумбочку.

Я, улыбнувшись, пошла за ними. Пока пили чай, мне показалось неудобным просить помощи с уроками. Думала, придется втихушку их забрать, когда пойду домой.

Сначала он меня выслушал: что я поняла, что не поняла из урока. Потом стал задавать глупые вопросы. Вопросы были по теме, но ответы на них были очевидны. Я даже раздражалась: «Он что, меня совсем за дурочку считает?» Однако я сама не заметила, как в ходе своих ответов объяснила то, что мне было непонятно. В недоумении широко раскрыв глаза,

я посмотрела на него. А он улыбался.

— Ну что, разобрались?

Я слабо улыбнулась и стала вытягивать тетрадь из-под учебника.

— Давай, давай свою домашку, — сказал он, настраиваясь на следующее разбирательство.

Готовых ответов у него никогда не было. Он всегда вынуждал меня самой разбираться. При этом только направлял ход моих мыслей. Если до меня что-то конкретно не доходило, он начинал рисовать какие-то детские рисуночки и с помощью их объяснять, либо объяснять с помощью жизненных примеров. Порой это было очень весело. Иногда мы вместе смеялись. На уроках он тоже старался объяснять новые темы доступным языком, чтобы всем было понятно. Но время на уроке ограниченно. Я думаю, что мне очень повезло — любой из класса хотел бы оказаться на моём месте. Делать уроки с ним — это всегда было интересно, но и непросто. Настоящая работа, от которой устаёшь. Зато после проделанной работы я ощущала свои возможности, уверенность в себе и огромную благодарность к Артёму Викторовичу. В дальнейшем я стала обращаться к нему и с алгеброй, и с геометрией. Хождение к нему стало таким привычным, как в соседнюю комнату. Иногда мы просто общались за чаем. С ним было легко.

— А расскажите что-нибудь про энергообмен на высоких частотах.

Уроки мы сегодня давно разобрали, и уже где-то полчаса, как пили чай. Пора бы мне уходить, но так не хотелось. Мне было интересно его послушать, а ему, как мне казалось, очень нравилось общаться на такие темы. Артём Викторович отодвинул пустую чашку, облокотился на стол и на мгновение задумался, глядя на пляшущий лучик солнца в отражении чайника.

— Высокие частоты, Вика, — это не мистика. Это качество твоего внутреннего «топлива», — начал он тихо. — Можно представить обычное радио. Есть волны тяжёлые, низкие — там один шум, грохот и помехи. Это уровень «дай мне», «хочу это», «ты мне должен». На таких частотах люди быстро устают друг от друга, потому что они не созидают, а просто потребляют ресурс партнёра.

Он взял у меня чайную ложку и положил её к своей параллельно друг другу.

— А теперь представь, что каждая ложка — это человек. Если они оба «холодные» и пустые, между ними ничего не происходит. Но если один начинает светиться радостью, вдохновением или просто искренним желанием помочь — он начинает вибрировать на высокой частоте. И если второй подхватывает этот ритм, возникает резонанс.

Он передвинул ложечки в полоску солнечного света на столе, и ложечки засияли — они стали отражать лучи солнца разноцветными солнечными зайчиками. Это было красиво. Я улыбнулась.

— А-а-а! Это как когда мы с Дашей смеёмся над одной шуткой и не можем остановиться? — вспомнила я, и мне стало очень весело от этих воспоминаний.

— В том числе. Но в паре влюблённых это работает мощнее. На высоких частотах любви один плюс один не равно двум. Это равно бесконечности. Понимаешь? Энергия не просто складывается, она умножается в десятки раз. Когда люди обмениваются не обидами и претензиями, а созидательными мыслями о заботе, любви, творчестве, они становятся как два мощных прожектора. Им не страшно никакое «одиночество вдвоём», о котором пишут в книжках. Они вместе строят общие миры, они вдохновляют друг друга на подвиги.

— А почему тогда все влюблённые так не живут? — я вздохнула, вспомнив маму. — Это же так здорово — светиться вместе.

— Потому что для этого нужно уметь отдавать, не требуя ничего взамен, — Артём Викторович внимательно посмотрел на меня. — Большинство людей боятся, что если они отдадут тепло, то у них ничего не останется. Они экономят себя, как батарейки. А секрет в том, что на высоких частотах закон сохранения энергии работает иначе: чем больше ты отдаёшь чистого света и любви, тем больше в тебя втекает из самого пространства. Это как проточная вода — она всегда свежая. А те, кто только копит и требует, превращаются в стоячее болото.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то откликается на эти слова. Как будто он включил во мне какой-то забытый приёмник, который раньше ловил только помехи.

— Значит, — прошептала я, — чтобы найти такую любовь, нужно сначала самой научиться «звучать» чисто, да?

— Именно, — улыбнулся он. — Сначала ты настраиваешь свой инструмент, а потом на твой звук обязательно придёт тот, кто играет в том же оркестре.

Он встал, взял чашки, ложечки и понёс в раковину.

— Ладно, мой дорогой философ, пора домой — бабушка тебя, наверное, потеряла.

— Не потеряла, она знает, что я у вас. Мне так интересно: я тоже хочу светиться, как и вы. Как думаете, получится у меня?

Я и вправду сегодня сильно задержалась. Солнце уже было низко, раз так далеко заглядывает в комнату. А у Артёма Викторовича наверняка были свои дела. Но я не могла так просто уйти. Внутри меня сейчас так много сильных эмоций, и мне было сложно со всем этим самой справиться.

— Это зависит от тебя, Вика. Да и я не идеал — тоже учусь.

Он в задумчивости сел напротив и какое-то время смотрел мне прямо в глаза.

— Тебе правда интересно? — вдруг спросил он.

— Интересно. Разве это плохо? — удивилась я.

— Нет, — он замотал головой и опустил её.

— Как думаешь: твоим одноклассникам было бы интересно такое? — он спросил и поднял взгляд.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Я пыталась мысленно обратиться к ребятам: нужны ли им все эти знания.

— Знаете, эти вопросы есть у многих ребят внутри, но об этом обычно не говорят. Я не представляю, как можно спрашивать об этом у бабы, например, или у мамы, или у тёти Риты — мамы Даши. А вы вот говорите.

— Да. Тогда вы обращаетесь к интернету и к современным фильмам, и этот поток продажной модной информации разрушает вас изнутри.

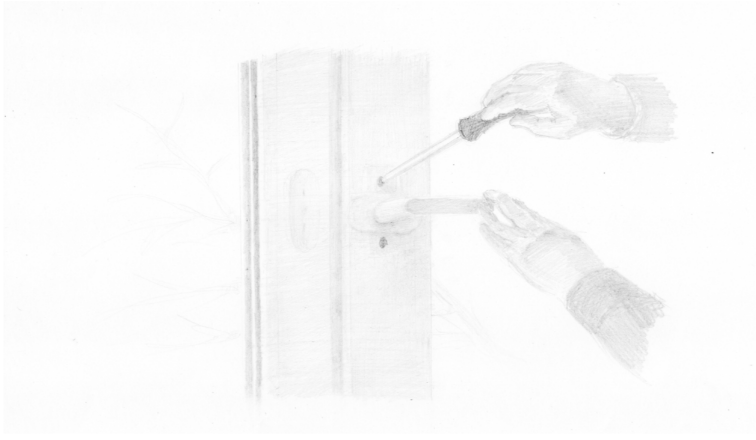
После этих слов он долго молчал, погружённый в себя.

— Ладно, — вдруг оживился он, — день заканчивается, мне ещё надо подготовиться к завтрашнему учебному дню, и тебе — тоже. Так что, давай прощаться и расходиться.

Артём Викторович решительно встал, помог мне собрать учебники и тетради. Я кивнула и послушно пошла к выходу. Только сейчас почувствовала, что и в самом деле устала. Ещё рюкзак надо собрать. И всё же, несмотря на усталость, я ощущала столько вдохновения и удивительной лёгкости внутри, что не выдержала: повернулась и обняла его на прощание. Он тоже обнял за плечи, потом ободряюще похлопал по плечу, и мы разошлись. Когда, выйдя на лестничную площадку, дверь за мной захлопнулась, какое-то время я стояла и смот-

рела на нашу с бабой дверь. Мне не хотелось сменой обстановки нарушать свой ход мыслей. Я думала о бабе: ведь она тоже обменивается энергией через свои шанюшки. Просто она делает это по-своему, как умеет. И, может быть, мир не такой уж и сломанный, если знать, на какую волну настраиваться.

Глава 6. Баба



Как-то я вернулась со школы. Открыв дверь, поняла, что бабушка с кем-то разговаривает. В комнате я увидела Артёма Викторовича. Он чинил ручку балконной двери. Баба в это время его спрашивала о его родителях, о том, в каких он с ними отношениях. Сама при этом успевала жаловаться на современную молодежь, на беспечность детей и их неуважение к старости. Для бабы это был привычный стиль общения. От таких неудобных для собеседника моментов она получала явное удовольствие.

А вот Артём Викторович, кажется, нервничал. После оче-

редного вопроса он выждал паузу и отвечал очень сдержанно. Я знаю, чего добивалась баба. Других мужчин у нас — сантехника, электрика — она доводила до вспышки гнева, когда человек взрывается от переполнивших его эмоций раздражения и возмущения. А баба получала какой-то кайф. Она даже млела и улыбалась, продолжала подначивать на еще большие эмоции. После таких сцен и разборок она всегда оставалась очень довольной и уже долго ни к кому не приставала.

Когда я попадала в такие с ней ситуации, я потом долго приходила в себя. Мне нужно было приложить немало усилий, чтобы успокоиться. А когда успокаивалась в своей комнате или на улице, гуляя, понимала, что ужасно устала. А теперь на крючке у бабы был Артём Викторович. Наверняка всё началось с милой просьбы отремонтировать балконную дверь. Мне стало очень жалко его, и я начала вливаться в разговор, уводя бабу от темы родителей Артёма Викторовича. Бабе это, конечно, не нравилось, но, к счастью, дверь уже скоро была отремонтирована, и Артём Викторович с облегчением заторопился к себе домой.

— Оставайтесь! Покушайте с нами! — говорила ему баба вдогонку.

— Нет, нет, спасибо! — и он уже вышел.

Я его прекрасно понимала. Пока мы кушали с бабой, я очень нервничала. Мне хотелось скорее пойти проведать Артёма Викторовича, всё ли у него в порядке. Я специально

съела только одну котлету, а вторую отложила для него. Баба пошла к своим сериалам.

— Я пойду к Артёму Викторовичу по алгебре разбираться?

— Иди, иди, — она с довольным видом усаживалась на диван и включала свои сериалы.

Я стояла у его двери с котлетой и толчёнкой на тарелке. Мне было неловко, а к глазам почему-то подкатывали слезы. Но я их задавливала в себе. Это я хорошо умела. С бабой нельзя плакать, от чужих слез она только еще больше заводится.

— Здравствуйте еще раз. Я вам котлетку принесла, — я виновато улыбалась.

Мне казалось, что он сейчас легко может на меня наехать и сказать, чтобы я больше никогда не приходила. Но он нисколько не злился.

— А, заходи. Спасибо, Вик.

Голос его был уставшим.

— Вы извините бабу, но такая она и есть, ничего с ней уже не сделаешь.

Слезы сами собой покатились. Артём Викторович обнял меня.

— Не переживай. Баба у тебя, конечно, тот еще фрукт.

— Вы не сердитесь?

— Нет. На неё опасно сердиться. Она уже напиталась моим раздражением.

— Обмен энергиями на низком уровне?

— Нет. Это вампиризм. Насильственная откачка энергии. Сама не понимает, что разрушает себя.

— Разрушает? — спросила я, вздрагивая на его груди. — Ей же, наоборот, после этого как будто легче становится.

Артём Викторович чуть отстранился и серьезно посмотрел мне в глаза.

— Это ложное облегчение, Вика. Понимаешь, человек — это не просто биологический организм. Мы — сложные преобразователи. И то, какого качества топливо мы через себя

пропускаем, определяет нашу эволюцию как вида.

Он медленно пошёл на кухню, взглядом приглашая меня идти за собой. Мы сели за стол. Я поставила перед ним тарелку, которую принесла. Он посмотрел на меня.

— Ты будешь чай?

— Нет, — я замотала головой и всхлипнула, не в силах справиться со своими чувствами.

Он подсел рядом и снова меня обнял, прижав к груди. Мне так было намного легче. Даже слёзы стали высыхать. В этот момент я поняла, насколько сильно боюсь его потерять.

Не знаю, сколько времени мы так сидели в обнимку. Но потом ко мне пришла мысль, что он до сих пор не поел.

— Вы кушайте, пожалуйста.

Я отстранилась и придвинула к нему тарелку. Мы улыбнулись друг другу.

— Спасибо, Вик. И бабе твоей: спасибо, — говорил он, принимаясь за еду. — Честно говоря: я бы, кажется, слона съел.

— Вы способны сейчас сказать бабе спасибо? — искренне удивилась я.

— Понимаешь, хуже она делает только сама себе. А моя задача, в данном случае, не повестись на эту её провокацию.

— Да, я тоже заметила — что, если ввязываешься в эту её игру и начинаешь очень эмоционально реагировать: кричать, плакать — она просто млеет, а ты при этом теряешь силы. И потом — как выжатый лимон.

— Да. Тут надо понимать, что подобный вампиризм не достоин человека — не его уровень, — он положил ещё кусочек котлеты в рот, прожевал его и тогда продолжил: — Это в диком лесу, на самом примитивном уровне, выживает тот, кто сильнее укусил. Но человек для того и выделен в отдельный класс существ, чтобы подняться выше. Когда кто-то привыкает жить за счет чужих вспышек боли, гнева и обид, он останавливается в развитии. Это «грязная» энергия, низкая частота. Она дает короткий всплеск сил, но на самом деле забивает все внутренние каналы гарью. В этом состоянии человек перестает расти, его система начинает медленно распадаться, потому что она не приспособлена для работы на таком шлаке.

Я слушала, затаив дыхание, забыв про слезы. Он прожевал очередной кусочек котлеты, собираясь с мыслями.

— Настоящая эволюция человека — это переход на другой тип питания. Не в плане продуктов, а в плане того, что ты генерируешь и отдаешь. Когда люди искренне заботятся друг о друге, когда они созидают что-то вместе — их внутренняя чистота и возможности растут. Это как сменить старый, дымящий движок на мощную световую установку. Те, кто умеют только отбирать — это тени прошлого, они застряли на уровне хищников и в плане развития являются тупиковой ветвью. А те, кто учится осознанно делиться теплом и радостью — это и есть следующая ступень человечества. У них иначе работает мозг, они дольше сохраняют ясность и видят

мир гораздо объемнее, — он вернул своё внимание к тарелке с едой. — Твоя бабушка не плохая, она просто заперла себя в темной кладовке и крадет чужие свечки, вместо того чтобы научиться зажигать свое солнце.

После этих слов он продолжил есть, тщательно пережёвывая еду, спокойно, без суеты, наполняя свои действия смыслом. Казалось, он точно знает, сколько силы нужно приложить к каждому действию, чтобы мир вокруг него оставался в равновесии.

— Артём Викторович, а почему это знание так важно? — спросила я, вытирая остатки слез. — Разве нельзя просто жить, быть добрым человеком и всё? Зачем обязательно понимать все эти «обмены»?

Он пережевал до конца, проглотил и посмотрел на меня.

— Понимаешь, Вика, быть «просто добрым» — это хорошо, но этого мало для того, чтобы по-настоящему управлять своей жизнью. Представь, что тебе подарили суперкомпьютер, самый мощный в мире. Но не дали к нему инструкцию. Ты можешь использовать его как подставку для цветов или забивать им гвозди. Он будет работать, но ты никогда не узнаешь его истинной мощи.

Он уже доедал, потом встал, подошёл к раковине с пустой тарелкой, и, когда мыл, говорил со мной.

— Знание того, как мы обмениваемся силой с другими — это и есть «инструкция» к твоему собственному сознанию. Большинство людей живут на автопилоте. Они просто реа-

гируют: на них накричали — они обиделись, им улыбнулись — они обрадовались. Они как щепки в реке: куда вода течёт, туда и они. Это уровень биологического выживания, на котором застряло человечество.

Вымытую тарелку он поставил передо мной, сказав «Спасибо», и сел напротив, сложа руки в замóк. Так он молча сидел, подбирая слова.

— Эволюция человека начинается там, где заканчиваются автоматические реакции. Когда ты понимаешь механику обмена, ты перестаёшь быть «пассажиром» и становишься «пилотом». Ты начинаешь видеть, где тебя пытаются использовать как батарейку, а где ты сам сливаешь свою силу в пустоту. Это знание даёт тебе право выбора. Ты можешь решить: вступать в эту низкую игру или остаться на своей высоте.

— И что это даёт в будущем? — я реально заинтересовалась.

— Это меняет твою природу, Вика. На клеточном уровне. Когда ты осознанно выбираешь созидание вместо разрушения, твоё тело и мозг начинают работать иначе. Это и есть развитие. Тот, кто владеет этой «физикой», строит свою судьбу сам. Он не ждёт удачи, он сам создаёт условия для неё. А те, кто отказывается понимать эти законы, так и остаются «материалом» для чужих целей. Они тратят всю жизнь на то, чтобы обслуживать чужие страхи и обиды, так и не узнав, на что они были способны на самом деле.

Я смотрела на него и понимала: то, чему он меня учит —

это не школьный предмет. Это наука о том, как не дать этому миру стереть тебя, как превратиться из случайного прохожего в настоящего творца своей реальности.

— Значит, — тихо сказала я, — понимание и применение принципов энергообмена — это защита?

— Это свобода, — поправил он. — Свобода быть собой, а не тем, кем тебя хочет видеть твоя бабушка, школа или толпа. Это возможность прожить свою жизнь, а не копию чужой. И, поверь мне, это самая ценная возможность из всех, что у нас есть.

Глава 7. Интерес

Через день, в среду, у нас вторым уроком была физика. Прошли новую тему, и времени до звонка почти не осталось.

— Ну вот, пообщаться не успеем, — пробубнил Егор.

— Вы хотите пообщаться? — улыбнулся Артём Викторович.

— Конечно, это поинтереснее, чем всякие законы.

— Хорошо. Тогда: пару минут послушайте, и я вас отпущу. Думаю, до звонка успею. А если вас заинтересует — на вопросы отвечу в следующий раз.

Все с интересом приготовились слушать.

— Один важный момент, — Артём Викторович внимательно обвёл всех взглядом, — в физике, ребята, как и в жизни, главное — правильное сопротивление и чистота контакта. Многие боятся слова «сопротивление». Думают, что это борьба. Но посмотрите на обычную лампочку накаливания.

Он взял старую настольную лампу с дальнего края своего стола и поставил ближе, распрямил её, чтобы всем было видно лампочку.

— Внутри неё — тонкая вольфрамовая нить. По ней бежит ток. Если бы у этой нити не было **сопротивления**, ток пролетел бы сквозь неё мгновенно, не оставив и следа. Было бы «короткое замыкание», пустота. Но нить сопротивляется — и именно благодаря этому она начинает светиться.

Он включил лампу, и она ярко осветила класс, все ребята зажмурились. Артём Викторович широко улыбнулся и опустил лампу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.